

Все тогда я ненавижу,
 Коль любезного не вижу,
 Все вздыхаю и грущу.
 Рвусь мученьем бесконечным,
 И с страданием сердечным
 Я везде его ищу.
 Но когда он предо мною
 Я тогда сурова с ним
 О стыдливость! Ты виною
 Всем суровостям моим.

Герой и героиня в такой лирике фигурируют под обозначениями — «любезный», «драгой», «неверный», «мучитель», «изменник», «тиран», «любезная», «драгая», «неверная» и т. д. Никаких чувств и переживаний кроме тех, которые связаны с любовью и ревностью, в этих песенках нет. Чем заняты страдающие от любви «любезные» и «неверные» кроме этого мы не знаем. Мы не знаем ни их общественного положения, ни родственных отношений, ни обстановки, где все это происходит; совершенное отсутствие каких-либо конкретных указаний. Если перейти от любовных романсов к пасторалям, там есть не только излияния чувств, но и описание действий, есть рассказ, есть движение. Он и она — пастух и пастушка. Иногда говорится про стадо, про овец, есть и пейзаж, но условный: пригорки, лесок, речка.

Пасторали еще более, чем любовные романсы Сумарокова, подчеркивают праздность и сытое тунеядство той среды, где они были излюбленным жанром.

Песни вторых отделов чулковского сборника, сочиненные в духе устной лирики, резко различаются от песен первых отделов... Герой и героини здесь «добрые молодцы», «красные девушки» и «молодушки». При всей условности этих обозначений, они все же конкретнее, чем обозначения по признаку психологическому: «драгая», «неверная», «тиранка». И эмоциональность сильнее в эпитетах устной лирики: «голубушка», «надежа», «радость моя»... Постоянно встречаются конкретные указания на возраст, родственные отношения; место действия иногда описывается очень детально. Нередко встречается обозначение города, сословия и профессии. В противоположность дворянским любовным романсам, здесь чувствуется, что люди имеют в жизни